

МИХАИЛ МЯГКОВ

ЕВРОПА

**МЕЖДУ РУЗВЕЛЬТОМ
И СТАЛИНЫМ**

1941–1945 гг.

Уроки истории

Михаил Мягков

**Европа между Рузвельтом
и Сталиным. 1941–1945 гг.**

«Алисторус»

2017

УДК 94(4)"19"
ББК 63.3(4)6

Мягков М. Ю.

Европа между Рузвельтом и Сталиным. 1941–1945 гг. /
М. Ю. Мягков — «Алисторус», 2017 — (Уроки истории)

ISBN 978-5-906914-99-6

Книга доктора исторических наук М.Ю. Мягкова посвящена одному из важнейших периодов во взаимоотношениях нашей страны и США – 1941–1945 гг. Автор отвечает на вопросы:– что стало решающим фактором в решении союзников все же открыть «второй фронт»?– кем выстраивалась глобальная система послевоенной безопасности и как создавалась Организация Объединенных Наций?– кто и почему выступал против политики тесного взаимодействия Вашингтона и Москвы?– почему именно факт становления России как одной из двух послевоенных сверхдержав предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось прежде всего на пространстве Европы?Усвоив уроки прошлого благодаря этой книге, читатель сможет разобраться в настоящем и понять, чего ждать на современном этапе от взаимоотношений России, США и Европы.

УДК 94(4)"19"
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-906914-99-6

© Мягков М. Ю., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Михаил Юрьевич Мягков
Европа между Рузвельтом
и Сталиным. 1941–1945 гг.

© Мягков М.Ю., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Основной задачей союзной дипломатии после нападения Германии на СССР стало объединение всех сил, противостоящих блоку агрессоров, создание мощной коалиции, способной одержать решительную победу над странами «Оси». В борьбе за свободу, спасение основ человеческой цивилизации и безопасный послевоенный мир объединились страны с различными социально-политическими системами, сотни миллионов людей. Во главе коалиции находились СССР, США и Великобритания, которые одновременно с решением военных задач обсуждали насущные вопросы устройства будущего мира. Большинство государственных деятелей Соединенных Штатов и Великобритании воспринимали сопротивление Красной армии как важнейший фактор достижения конечной победы над агрессорами. Поражение России означало для Лондона и Вашингтона не только прямую угрозу их национальным интересам, но и самой независимости этих стран. Соответственно, для США и Великобритании возникла необходимость обсуждения военно-политических, территориальных, экономических интересов СССР. Слишком большое значение его позиция и реальные действия приобрели для западных союзников и для всего мира.

В 1941–1945 гг. общность военных целей обусловила обреченность Ф. Рузвельта и У. Черчилля искать и находить конструктивное взаимопонимание с И. Сталиным при координации боевых действий, решении проблем признания советских границ на 22 июня 1941 г., участия СССР в послевоенном устройстве Европы и других вопросов союзных отношений великих держав. Вместе с тем каждая из держав Большой тройки имела свои собственные национальные интересы. Военно-политические, стратегические, экономические, идеологические и другие факторы предопределяли различное отношение руководства той или иной страны к действиям своих союзников. Неоднозначные оценки потенциала, вероятных акций, в конце концов, значения Советского Союза для развития послевоенного мира выдвигались и разрабатывались как на самых высших эшелонах власти США и Великобритании, так и в различных военных, внешнеполитических, экономических и других ведомствах западных государств. Эти оценки, которые в первую очередь диктовала обстановка на фронтах войны, во многом предопределяли реакцию Вашингтона и Лондона на конкретную позицию и прогнозируемые намерения Москвы. Конечное принятие решения по важнейшим вопросам оставалось за президентом и премьер-министром. При этом они учитывали особенности дискуссий среди своего окружения по проблемам внешней политики, равно как и общественное мнение своих стран.

Настоящая книга посвящена одной из ключевых проблем союзного взаимодействия в годы Второй мировой войны – взглядам и планам руководства США на роль и место СССР в послевоенном устройстве Европы, которые определяли важнейшее содержание принимаемых в Вашингтоне решений по военным, территориальным и политическим вопросам в этом регионе мира. Эта тема требует сегодня новых подходов к анализу традиционных и специфических механизмов принятия решений теми структурами и персоналиями, которые несли ответственность за разработку курса в отношении СССР в годы войны, объективного взгляда на истоки явлений, произошедших в мире в послевоенное время, в период холодного противостояния западного и советского блоков.

Действия лидеров ведущих западных стран (прежде всего США) становятся более прогнозируемы в результате изучения ранее неизвестных широкой общественности документов американского происхождения 1941–1945 гг. Оставаясь наиболее мощной в экономическом и военном плане державой, США обладают и особой ответственностью за устойчивость системы безопасности на планете, становление которой тесно связано со взаимодействием с СССР в годы войны. В ближайшем обозримом будущем цена принятия Америкой своих внешнеполи-

тических решений останется чрезвычайно высокой, а в условиях появления перед мировым сообществом новых угроз многое будет зависеть от того, сумеют ли США поддерживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, учитывать и уважать ее национальные интересы, разрешать имеющиеся противоречия, исходя из положительного и отрицательного опыта времен совместной борьбы против фашизма.

Анализ американских оценок и прогнозов действий СССР в отношении будущего Европы и послевоенной системы международной безопасности рассматривается во взаимосвязи с американскими взглядами и расчетами на общие контуры послевоенного устройства мира, роль и место в нем каждой из ведущих мировых держав, их границ и влияния после окончания глобального конфликта. Выделяется такая сложная и неоднозначная тема, как освещение побудительных мотивов, решений и суждений относительно Советского Союза главного действующего лица в руководстве США военных лет – президента Ф. Рузвельта. Все это помогает сегодня ответить на вопрос, почему Америка пошла на сближение с Советской Россией и до каких пределов она готова была с ней сотрудничать. Здесь мы также неизбежно выйдем и на более глубокую, не менее важную проблему – явился ли послевоенный раздел континента логичным завершением противоречий между целями СССР и западных союзников, обозначившимися еще при жизни Рузвельта, либо внешнеполитическая доктрина Г. Трумэна в европейских делах (в годы президентства которого весь комплекс отношений между двумя странами развивался в условиях жесткой конфронтации) кардинально отличалась от расчетов своего предшественника? Исследование, касающееся темы ответственности великих держав за начало холодной войны, будет неполным без изучения этой весьма неоднозначной дилеммы.

Курс Рузвельта и его суждения во многом находились под влиянием идей В. Вильсона, под началом которого он работал еще в годы Первой мировой войны. Но Рузвельт сумел придать этим идеям не только новое обрамление, но и переосмыслить их исходя из реалий очередного мирового конфликта и новой роли Америки и России в европейских делах и, в целом, в обеспечении дальнейшего существования мирового сообщества государств. В этой связи большую ценность для нынешнего поколения исследователей, работающих уже в эпоху после окончания холодной войны, представляют подлинные замыслы президента (прежде всего документально зафиксированные) о механизме функционирования Организации Объединенных Наций и его видение участия США и СССР в поддержании безопасности в различных районах планеты.

В книге представлены государственные деятели и структуры, которые несли ответственность за разработку внешнеполитического курса США в отношении СССР в годы войны, материалы, прямо или косвенно затрагивающие суждения высшего руководства США, прежде всего Ф. Рузвельта, Г. Трумэна и их ближайших помощников, отражающие работу Государственного департамента США, ряда его комитетов, подкомитетов и отделов, военного ведомства США, Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США (ОКНШ), разведывательных и аналитических комитетов Комитета начальников штабов (КНШ), Управления стратегических служб США и других ведомств.

Автор попытался также исследовать альтернативы американской внешней политики 1941–1945 гг., подверженные влиянию событий войны и внутренней жизни США, рузвельтовские идеи построения мира на новых началах, особенности взгляда Вашингтона на Москву и важнейшие выводы американской политической элиты о роли Советского Союза в послевоенных европейских и, в целом, мировых делах. На основе прежде всего документальных источников из архивов США, многие из которых ранее были неизвестны широкому кругу читателей, проанализировать содержание и динамику американских оценок Советского Союза, его возможностей и уязвимых мест, экономических достижений, состояния и потенциала вооруженных сил накануне и в ходе Второй мировой войны.

Важно было также показать особенности американского взгляда на СССР во взаимосвязи с военными и политическими событиями, достижениями и перспективами экономики Соединенных Штатов, состоянием и прогнозами развития американских вооруженных сил, суждениями президентов США (в первую очередь Ф. Рузвельта), мнением ответственных государственных и общественных деятелей США, предлагавших ответы на возникавшие внешнеполитические вызовы.

В основе настоящей книги лежат, прежде всего, документальные источники, хранящиеся в архивах США. Первоочередное внимание уделялось ведомствам, ответственным за подготовку важнейших решений Вашингтона, касающихся ведения военных действий, внешнеполитического курса, укрепления своих позиций в различных регионах мира и, конечно же, отношений с СССР. Особый интерес вызывали те источники, которые прямо или косвенно затрагивали суждения высшего руководства США – прежде всего Ф. Рузвельта и Г. Трумэна.

Среди документальных коллекций Национального архива выделяются доклады, отчеты, меморандумы, памятные записки, отложившиеся в фонде Государственного департамента США (RG 59), ряда его комитетов, подкомитетов и отделов, образованных после начала Второй мировой войны, в частности Комитета по проблемам мира и реконструкции, Консультативного комитета по проблемам международных отношений, Отдела специальных исследований, Политического комитета и др. В задачи этих структур входили анализ текущей международной ситуации, разработка многочисленных вопросов, касающихся послевоенного мирного устройства, прогнозирование будущей роли США и других государств (в том числе СССР) в делах Европы и всего мира. В работе комитетов участвовали ведущие политические и общественные деятели США, дипломаты К. Хэлл, С. Уэллес, Э. Стеттиниус, Л. Пасвольский и др. В ряде документов, хранящихся в этих фондах, зафиксированы неординарные суждения Ф. Рузвельта о перспективах развития международной ситуации и возможной реакции Америки на те или иные события. Безусловно, они представляют для нас особый интерес. Кроме того, необходимо отметить записи заседаний, проводившиеся в Госдепартаменте, на которые приглашались видные государственные деятели и дипломаты. Откровенность высказанных на них замечаний о намерениях СССР и перспективах сотрудничества с ним в разрешении послевоенных проблем заставляют внимательнее присмотреться к вопросу о степени влияния, присутствовавших там лиц на решения президента и мере их участия в адаптации тех или иных альтернатив внешнеполитического курса США.

В фонде Госдепартамента хранится и различная корреспонденция президента и других официальных лиц, относящаяся к советско-американским отношениям. Наряду с уже опубликованной перепиской по вопросам внешней политики США в 1930–1940-е годы (в “*Foreign Relation of United States*” и др. изданиях), отложившиеся в архиве письма, телеграммы, другие важные документы, проходившие в годы войны через Госдепартамент, также весьма ценны для исследователей, занимающихся изучением отношений США и СССР в годы Второй мировой войны. Среди огромного массива источников внешнеполитического ведомства хотелось бы также выделить документы, которые содержат сведения о динамике общественного мнения американцев. Имеются в виду обзоры прессы и радиопередач, высказываний влиятельных конгрессменов и общественных деятелей о значении для США «русского союзника» и перспективах взаимодействия с Москвой. Вся эта информация помогает нам лучше понять не только общий фон, на котором президент принимал свои важнейшие решения, но и глубже разобраться в вопросе, насколько хозяин Белого дома и его ближайшие помощники были зависимы от настроений различных групп американцев, – например граждан США польского или прибалтийского происхождения.

Весьма важные источники, касающиеся темы исследования, находятся в документах военного руководства США, в частности в фонде Комитета начальников штабов (КНШ) – RG 218. Не секрет, что американские военные деятели оказывали самое непосредственное

влияние на разработку общей стратегии ведения Соединенными Штатами совместно со своими союзниками войны против агрессоров в Европе и Азии. Д. Эйзенхауэр, Дж. Маршалл, У. Леги, Д. Макартур и другие высшие офицеры не раз высказывали перед президентом и премьер-министром свое мнение относительно сроков и масштабов высадки союзных сил в Европе, значении Восточного фронта, деталей сотрудничества с СССР в деле разгрома агрессоров как на Европейском, так и на Азиатско-Тихоокеанском ТВД. Большую ценность представляют отчеты о заседаниях Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США (ОКНШ). Их дискуссии отражают проблемы координации собственных стратегических планов с действиями Красной армии, оценкой потенциала и военно-политических намерений СССР на европейском континенте. Источники этих оценок и расчетов содержатся в документах разведывательных и аналитических комитетов ОКНШ и Комитета начальников штабов США. Речь идет прежде всего о материалах Объединенного разведывательного комитета, Объединенного комитета стратегического обзора, Объединенного комитета военного планирования и ряда других структур. Их изучение раскрывает весьма значительную степень британского влияния на принятие совместных решений. Одним из основных вопросов, относящихся к деятельности указанных выше комитетов, является вопрос о степени знакомства с их разработками об СССР высшего руководства США. Известно, тем не менее, что в сжатом виде важнейшая информация американской разведки, касающаяся планов и возможностей Москвы, так или иначе попадала на стол президенту. В конце войны, с изменением общего климата советско-американских отношений, деятельность разведывательно-аналитической структуры американского КНШ была перенаправлена на выявление уязвимых мест в управлении, экономике, идеологии и стратегическом положении Советского Союза. Америка приобрела ядерную монополию, и Объединенный разведывательный комитет уже осенью 1945 г. занялся определением первых 20 объектов (городов) на территории СССР, предназначенных для атомной бомбардировки.

Степень влияния обрабатываемой информации на руководство Белого дома позволяют проследить документы фонда Управления стратегических служб США (в 1941 и до июня 1942 г. – Офиса координатора информации при президенте, У. Донована, RG 226). Сотрудники Донована в ходе войны собирали, анализировали и представляли высшему командованию, в т. ч. президенту, различные разведданные, в том числе касающиеся Советского Союза. Уже с 1941 г. в этой организации – важнейшей составной части разведывательного сообщества США – действовал Восточноевропейский отдел, а с 1942 г. при Исследовательском и аналитическом отделе УСС была создана специальная структура для изучения СССР. Деятельность сотрудников УСС неотделима от истории тайной дипломатии США в годы войны, – достаточно вспомнить известный «бернский инцидент», оказавший существенное влияние на характер советско-американских отношений в конце войны. Но для настоящей книги первостепенное значение имели материалы УСС именно оценочного, аналитического характера, в которых прослеживается динамика американского взгляда на СССР, его возможности, военные усилия и политику в отношении будущего Европы. Своеобразным достижением разведывательно-аналитической мысли сотрудников отдела УСС по изучению СССР можно назвать объемный доклад, подготовленный в августе 1943 г., «Могут ли Россия и Америка сотрудничать», который заслуживает особого внимания.

Следует заметить, что директор УСС У. Донован относился к тому ограниченному кругу лиц, которые имели доступ не только к важнейшим разведсведениям (касавшимся в частности СССР), но и консультировали относительно русского вектора американской внешней политики непосредственно президента США. Еще одним человеком из этого круга был специальный представитель Рузвельта, участвовавший в переговорах со Сталиным с 1941 г., а в 1943 г. назначенный послом в СССР, Аверелл Гарриман.

Коллекция Гарримана, хранящаяся в Отделе манускриптов Библиотеки Конгресса США, стала одной из важнейших документальных основ подготовки настоящей работы. Гарриман был в Москве вместе с Бивербруком осенью 1941 г. – в критический момент немецкого наступления на столицу Советского Союза. Тем не менее, именно его и Г. Гопкинса высокие оценки потенциала СССР, советского народа и его лидеров оказались в ряду главных побудительных мотивов для занятия руководством США позиции, направленной на возрастающую поддержку военных усилий Красной армии. В ходе трехсторонней конференции в Москве 1941 года и на последующих встречах со Сталиным Гарриману удалось наладить с советским лидером довольно дружественные отношения. Президент Рузвельт пользовался этим обстоятельством, доверяя ему и Гопкинсу обсуждение с Кремлем самых конфиденциальных вопросов территориального и военно-политического характера. Записки и послания Рузвельта по различным аспектам взаимоотношений с Москвой, отложившиеся в бумагах Гарримана, представляют для историков большую ценность.

Коллекция документов Гарримана помогает проследить динамику американских взглядов на Россию и на заключительном этапе войны. Помощник президента, став в 1943 г. послом, переехал в Москву, но по-прежнему оставался в доверительных контактах с Рузвельтом, посылая ему тщательно подготовленные телеграммы о текущих событиях в СССР и вероятных акциях России в ближайшее время. В организации аналитической работы американского представительства в Москве большую помощь послу оказывал с 1944 г. его заместитель Дж. Кеннан, еще ранее – глава Военной миссии США Дж. Дин и другие дипломаты, телеграммы и записки которых также отложились в Коллекции Гарримана. Переписка посла с Вашингтоном, а также записи, относящиеся к его личным встречам с Рузвельтом во время приезда Гарримана на краткое время в США, помогают лучше понять направленность суждений о России самого президента. В то же время Гарриман, Кеннан и другие представители американской дипломатии выдвигали собственные рекомендации относительно изменения курса к СССР. Их влияние на Рузвельта, руководителей внешнеполитического ведомства, других государственных деятелей США выражалось в первую очередь в представлении таких оценок и прогнозов о политике Москвы (к концу войны все более жестких), которые, по их мнению, наиболее полно отражали интересы США в отношениях с Россией. Рост противоречий между двумя странами по самым различным проблемам послевоенного устройства и, в конце концов, последующее сползание мира к холодной войне невозможно представить и объяснить без учета материалов, появившихся на свет в результате работы Гарримана и его ближайших помощников. Существенным моментом является и тот факт, что в коллекции Гарримана находятся и некоторые копии документов, хранящиеся ныне в Библиотеке (архиве) Рузвельта в Гайд-парке.

В настоящей работе были использованы и многие другие документы из американских архивов и ряд источников отечественного происхождения (прежде всего из Архива внешней политики РФ), касающиеся взгляда США на Россию в годы Второй мировой войны, анализа различных разведывательных и аналитических данных о потенциале СССР, переписки лидеров Антигитлеровской коалиции, некоторых данных советской стороны о характере внешнеполитического курса США, опубликованные в различных документальных сборниках и научно-исторических трудах, о которых будет сказано ниже. Важное место в книге занимают и воспоминания ряда американских и британских политических деятелей о событиях, связанных с сотрудничеством союзников в 1941–1945 гг. и последующим обострением противоречий между западными державами и СССР.

Основные опубликованные источники, касающиеся внешнеполитической деятельности американского президента и Госдепартамента, в том числе на советском направлении в военные годы, представлены в томах «Документов внешней политики США», вышедших в 1950—1960-е гг. Значительным вкладом в изучение событий периода войны стала публикация известным историком У. Кимболлом переписки между Рузвельтом и Черчиллем, в которой

обсуждался практически весь комплекс военно-политических проблем того времени, включая и отношения западных держав с Россией. Весьма интересна для разработки темы корреспонденция между Рузвельтом и У. Буллитом, другие документальные работы американских исследователей; в США была также переведена переписка Сталина с Рузвельтом и Трумэнном, опубликованная Министерством иностранных дел СССР¹.

В 2005 году издан труд, содержащий полную корреспонденцию между двумя лидерами в годы войны «Мой дорогой мистер Сталин»². Это первая западная работа, в которой послания публикуются в английском оригинале и с уточненными датами подписания текста. Ее несомненным достоинством являются необходимые комментарии С. Батлер, отражающие исторический фон и важнейшие решения сторон того времени. Предисловие к книге написано известным историком А. Шлезингером (мл.).

В плане изучения активности спецслужб США на советском направлении, которые кроме непосредственно разведывательной и контрразведывательной деятельности занимались подготовкой для американского правительства специальных аналитических материалов о потенциале СССР, его возможных замыслах и альтернативах внешней политики США во взаимоотношениях с Москвой, необходимо упомянуть ряд документальных сборников, посвященных деятельности Управления стратегических служб США (УССС)³. Публикуемые в них справки, отчеты и доклады весьма интересны и информативны, однако остается далеко не выясненным вопрос об их влиянии на выработку внешнеполитической стратегии Вашингтона, в том числе по отношению к России. Говорить о важности и исключительности того или иного документа из этой серии можно лишь в том случае, если с ним ознакомился президент или другие ответственные лица из его окружения.

Сегодня мы не можем сказать, что отечественная и зарубежная историография уже достаточно полно ответила на все вопросы, связанные с истоками холодной войны, понять которые невозможно без учета американских оценок роли России в делах послевоенной Европы, военно-политических и территориальных запросов Москвы. Более изученной здесь может представиться позиция британской стороны. Действительно, благодаря выходу в свет вскоре после окончания войны мемуаров У. Черчилля историки получили возможность подробного ознакомления с его отношением к советской политике, территориальным приращениям СССР и советским акциям в восточноевропейских странах⁴. Однако многие оценки Черчилля носят глубоко личный характер; известно также, что британский премьер имел склонность менять свое мнение о текущих событиях в зависимости от обстоятельств, позиции Вашингтона, а также собственного понимания интересов Британской империи. Динамика взгляда Черчилля на Россию требует еще дополнительного изучения с использованием новых источников. В этом отношении много было сделано официальным биографом премьера и известным историком М. Гилбертом, который опубликовал военную корреспонденцию Черчилля, содержащую, в том числе, его прогнозы будущего взаимодействия СССР⁵.

Любое объективное исследование документов военного времени, вышедших из-под пера Черчилля, невозможно без восприятия того факта, что еще до 22 июня 1941 г. он в целом положительно комментировал выдвижение советских войск в Западную Белоруссию, Западную Украину и Прибалтику после заключения советско-германского пакта о ненападении 1939 года. Выступая по лондонскому радио 1 октября 1939 г. он, в частности, сказал, что это решение «без всякого сомнения, было необходимо для безопасности России перед немецкой угрозой. Во всяком случае, была занята позиция и создан Восточный фронт, который немецкая армия не осмелилась атаковать». Гитлер представлялся для Черчилля абсолютным злом, грозящим самому существованию Британской империи. Следуя этой логике, британский премьер был готов помогать практически любой стране, вступившей в войну с Германией. В этом отношении угроза коммунизма, с которым он боролся на протяжении многих лет, отходила у него

на второй план. Известно памятное выражение Черчилля: «Если Гитлер вторгнется в ад, я, по меньшей мере, выступлю в Палате общин с благожелательными комментариями в отношении дьявола». Примерно в этом же направлении развивались в 1941 г. и мысли Рузвельта. Так, в беседе с бывшим послом США в Советском Союзе Джозефом Дэвисом он бросил следующую фразу: «Я не могу воспринять коммунизм. Этого не можете сделать и вы. Но для того, чтобы пройти по этому мосту, я пожму руку и дьяволу»⁶. Для обоих западных лидеров Россия представлялась тогда в виде хитрого и достаточно мощного оппонента с непредсказуемым потенциалом. Но оппонента такого рода, который не нес непосредственной угрозы независимости англосаксонскому миру и с которым лучше избегать конфликта, используя его силу ради достижения первоочередных целей.

Исследователи не располагают мемуарами Рузвельта, умершего в апреле 1945 г., поэтому позиция президента в отношении СССР, вопросе о советских границах, к «прибалтийской», «польской» и другим спорным проблемам, участию СССР в послевоенном устройстве Европы требует специального анализа, основанном как на архивных документах и мемуарах, так и на многочисленных исследовательских работах, посвященных его деятельности. При разработке этой темы мы должны учитывать как традиционные принципы американской внешней политики, так и роль отдельных личностей в определении позиции США к России.

Американская (и в целом западная) историография отношений между СССР и США в годы Второй мировой войны, контактов лидеров союзных государств и особенностей политики Вашингтона в диалоге с Москвой в 1941–1945 гг. весьма обширна и многогранна. Прежде всего, следует отметить большой пласт мемуарной литературы государственных, военных и общественных деятелей США, уделявших в своих воспоминаниях существенное внимание оценкам Советского Союза. В этом ряду стоят Г. Трумэн, К. Хэлл, Э. Стеттиниус, Дж. Ф. Бирнс, Г. Уоллес, У. Леги, Г. Икес, Э. Рузвельт, У. Стендли, А. Гарриман, Дж. Дин, Ч. Болен, Дж. Кеннан, Р. Шервуд, А. Даллес и другие⁷. Подавляющее число подобных мемуаров было написано вскоре после окончания войны – в разгар холодного противостояния между СССР и США, поэтому многие оценки действий СССР на международной арене были преимущественно негативными. Несмотря на приводимые в книгах важные факты взаимодействия в борьбе с фашизмом, они служили, прежде всего, обоснованием жесткой линии Вашингтона в отношении Москвы. Были и исключения, например, в работах Р. Шервуда и Э. Рузвельта, представивших объективную картину сотрудничества и поиска взаимоприемлемых компромиссов между СССР и США в 1941–1945 гг. на фоне деятельности в годы войны Ф. Рузвельта и его ближайшего помощника Г. Гопкинса. Труд Шервуда был переведен на русский язык⁸. В целом, несмотря на всю неоднозначность воспоминаний представителей американского политического Олимпа военных лет, они содержат обширный фактический материал о динамике советско-американских отношений 1941–1945 гг., отражают взгляд руководителей США на политику СССР того времени. Эти мемуары оказали и большое влияние на становление «традиционалистского» (или «ортодоксального») направления изучения истоков холодной войны в США, где основная вина за начало противостояния возлагается на Советский Союз. Более подробно об этом и других направлениях западной исторической школы холодной войны будет сказано позднее.

Работы западных авторов, вышедшие в свет в 1950–1980-х гг. и посвященные советско-американским отношениям, публиковались в условиях холодной войны. Однако, независимо от сделанных в них оценок и выводов, многие из которых, мягко говоря, были не совсем объективными и только обвинительными по отношению к Москве; они вводили в научный оборот значительный пласт архивных документов, упоминали о ранее неизвестных широкой общественности фактах, анализировали детали деятельности самого президента США, Госдепартамента, других американских министерств и ведомств, их оценки военно-политических

акций СССР. В этой связи заслуживают внимания работы М. Столера, Р. Гэннона, Р. Мессера, Р. Дивайна, Р. Даллека, Л. Гарднера, А. Полонски и других авторов⁹.

Историки западной «ортодоксальной школы»¹⁰, интерпретируя причины начала холодной войны, действия ее основных виновников, стремясь ответить на вопрос о ее неизбежности и истинных намерениях Сталина, Рузвельта, Трумэна и Черчилля, так или иначе, затрагивали проблему многовариантности американских оценок России в 1939–1945 гг.

Современный историк М. Макколли замечает, что основные положения «ортодоксального» направления были сформулированы еще в знаменитой «длинной телеграмме» Дж. Кеннана от 22 февраля 1946 г. и его статье (подписанной анонимом «мистер Х») «Источники поведения Советов» в июле 1947 г. К концу 1948 г. большинство американских и, в целом, западных политических деятелей восприняли позицию Кеннана, выражавшуюся, прежде всего, в жесткой критике намерений и поведения Москвы на международной арене¹¹. В научной среде аргументация Кеннана была также адаптирована и вскоре нашла выражение в работах историков. Наиболее влиятельными на раннем этапе холодной войны стали книги таких представителей «ортодоксальной» школы как У. Макнейла и Г. Фейса, позднее А. Шлезингера (мл.), Дж. Комбса и др.¹² По мнению этих авторов, истоки холодной войны лежат в самой идеологии марксизма-ленинизма, в советской доктрине классовой борьбы, предусматривающей распространение коммунистической революции по всему миру, в мобилизации московскими лидерами своего народа против кажущихся им внешних угроз. Советская политика к западным странам представлялась, в этой связи, изначально враждебной, а имевшее место сотрудничество 1941–1945 гг. объяснялось лишь временной необходимостью со стороны Кремля. Отмечалось, что Сталин всегда стремился расширить зону коммунистического влияния, надеясь на ослабление ведущих западных держав в борьбе друг с другом. Нападение Германии вынудило его пойти на временный альянс с Великобританией и США, не забыв при этом свои основные экспансионистские цели. В 1941–1945 гг. Сталин получал огромную помощь от США и Великобритании, без которой война могла бы пойти по другому сценарию, но в конце войны, не удовлетворившись оккупацией одной лишь Восточной Европы, советский лидер задумал прибрать к своим рукам и всю Германию. Дальнейшие его планы, как утверждали историки, распространялись на различные регионы Европы и Азии.

Согласно «ортодоксальной» точке зрения, президент Рузвельт, государственный секретарь К. Хэлл и, до некоторой степени, президент Г. Трумэн и госсекретарь Дж. Бирнс недооценили «потенциально экспансионистскую основу» советской внешней политики. В ходе войны, лелея напрасные мечты о будущей демократизации советского режима, присоединении России к демократическому сообществу государств и опасаясь общественного мнения в собственной стране, не желающего затягивания разрешения проблем о послевоенном устройстве Европы, они уступили Сталину восточную часть континента, оправдывая это тем, что она нужна для обеспечения безопасности СССР.

Более того, замечали историки, американские лидеры не имели ясного представления о характере будущего устройства мира и Европы и, несмотря на предупреждения англичан, шли на долгосрочные политические уступки Москве в обмен на краткосрочные военные выгоды. Заботясь прежде всего о сохранении сотрудничества со Сталиным, они допустили Красную армию в самый центр Европы, признали просоветское правительство Польши, согласились с новыми границами Польского государства, сквозь пальцы смотрели на эксплуатацию СССР своей зоны оккупации Германии. На встрече Совета министров иностранных дел в декабре 1945 г. признали коммунистические правительства Болгарии и Румынии. В целом в работах указанных авторов подчеркивалось, что Советский Союз, хотя и помог западному миру избавиться от угрозы коричневой чумы, во главу угла всегда ставил свои экспансионистские цели. Раздел Европы и начало холодной войны вызревали в ходе самих боевых действий и стали

неизбежными после вхождения Красной армии в европейские страны и отказа СССР пойти на действенное сотрудничество с западным миром. Неверные оценки намерений Москвы в европейских и общемировых делах, распространявшиеся в 1941–1945 гг., значительно осложнили положение западных демократий в послевоенном противостоянии с коммунистической Россией. Создание в 1949 г. НАТО стало логичным и неизбежным ответом на экспансионистские устремления СССР, заключали представители «ортодоксальной» школы. В целом подобные оценки роли СССР были отнюдь не удивительными в разгар холодного противостояния двух систем.

Однако с конца 1950-х – начала 1960-х годов в западной историографии, посвященной отношениям между СССР, США и Великобританией во время Второй мировой войны и причинам начала холодной войны, стало развиваться направление, противоположное «ортодоксальному». Оно получило название «ревизионистское». Оценки России, ее роли в войне и делах послевоенного мира продолжали занимать в нем ведущее место. Среди исследователей этой школы выделяются У.А. Вильямс, Т. Маккормик, У. Лафебер и Л. Гарднер, Г. Колко, Г. Альперовиц и др.¹³ Они полагали, что Советский Союз просто не может быть обвинен в начале холодной войны. Россия, едва избежавшая разгрома в борьбе с Гитлером, понесшая гигантские потери, лежащая фактически в руинах была теперь вынуждена отстаивать свои интересы перед могущественными Соединенными Штатами, национальный продукт которых увеличился за годы войны более чем в два раза и которые приобрели монополию над ядерным оружием. «Ревизионистское» направление выделяет тезис о том, что сталинская Россия 1930-х годов была сконцентрирована главным образом на подъеме своей экономики и модернизации и уделяла лишь опосредованное внимание идеям мировой революции. Гитлеровское нападение на СССР, за которым последовало мужественное и эффективное сопротивление Красной армии немецкой военной машине, сняли с повестки дня угрозу мировой гегемонии стран-агрессоров. Бескомпромиссная борьба на Восточном фронте дала возможность западным демократиям провести спокойную подготовку к высадке в Европе, но в то же время она несла с собой огромные жертвы и разрушения для советских людей. Вполне понятно, что Москва уже в ходе войны ставила перед своими союзниками вопрос о гарантиях своего будущего существования и развития. В целях собственной безопасности она желала утверждения в пограничных с собой странах таких правительств, которые не проводили бы антисоветской политики и искала путей полной ликвидации угрозы со стороны Германии. Подобные цели необязательно означали, что государства Восточной и Юго-Восточной Европы должны были быть советизированы. Более того, Москва сдерживала в конце войны коммунистические движения на западе и юге континента, что предопределило сохранение капиталистической системы в этих регионах еще до начала осуществления «плана Маршалла».

Главная причина начавшейся после войны конфронтации, согласно мнению «ревизионистов», кроется в американской экономической и политической системе. Либеральная капиталистическая экономика США нуждалась в резком укреплении своих возможностей в области торговли и инвестиций. В противном случае могли проявиться присущие ей слабости, остановив быстрое поступательное развитие страны. Такой курс требовал и масштабного распространения политического влияния Америки. Историк У. Вильямс подчеркивает и выгодную для Вашингтона политику «открытых дверей», предполагавшую равный доступ США на все иностранные рынки, свободу торговли и ликвидацию протекционистских тарифов. Поскольку Соединенные Штаты являлись ведущей экономической державой, такая политика равных возможностей вела только к усилению американского доминирования в мире – как экономического, так и политического¹⁴. Пропаганда открытого мира, в котором США и СССР будут совместно следить за безопасностью, была отнюдь не ошибкой Рузвельта. В конечном итоге,

целью Вашингтона было распространение “*Pax Americana*” на всю планету, где ведущую роль в поддержании порядка принадлежала бы США¹⁵.

«Ревизионисты», говоря о причинах вовлечения США во Вторую мировую войну, усматривают и их желание расширить свое влияние на мировую экономику, не дав Японии и Германии захватить столь необходимые Америке рынки. В ходе войны решалась также и проблема проникновения США в сферу влияния Британской империи, которая считалась одной из самых приоритетных. Что касается негативных оценок Вашингтоном поведения Москвы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, то здесь также многое зависело от политики «открытых дверей». Этот регион ранее не имел большого значения для США, но новый курс подразумевал активную борьбу и на этом направлении, конечной целью которого должно было стать ослабление России и рост конкурентных возможностей самих Соединенных Штатов.

С точки зрения «ревизионистов» советское руководство не могло терпеть подобную угрозу своим национальным интересам, тем более, что экономическое и политическое проникновение США в различные регионы сопровождалось воинственным антикоммунизмом. В ответ, СССР предоставил свободу рук революционным организациям и занялся укреплением своего влияния в тех странах, куда могли проникнуть американцы. По мере того как в Вашингтоне в 1944–1945 гг. все больший вес приобретали лица, придерживавшиеся самых негативных оценок внешней политики Москвы, отношения двух стран продолжали скатываться к конфронтации. Важнейшими вехами на пути к послевоенному противостоянию бывших союзников стал отказ США предоставить СССР большой кредит на восстановление своей экономики, давление администрации Трумэна на Кремль с целью адаптировать политику «открытых дверей» в Восточной и Юго-Восточной Европе, одностороннее решение Вашингтона оборвать поставки в СССР по ленд-лизу сразу после окончания войны, сопротивление американских представителей размерам советских репарационных требований от Германии и прекращение репарационных поставок в Россию из западных оккупационных зон Германии в мае 1946 г., использование Соединенными Штатами своей атомной монополии для получения контроля над экономикой Советского Союза и сопредельных ему стран. Когда же Вашингтон осознал, что Москва не собирается сдаваться и уступать американским требованиям, то приступил к созданию собственной сферы влияния. Его последующие действия привели к окончательному разделу Германии и Европы и жесткой конфронтации двух блоков.

С середины 1970-х – в 1980-х годах в западных странах стало набирать силу новое (компромиссное) направление в исследованиях истоков краха послевоенного сотрудничества стран Большой тройки и начала советско-американского противостояния – «постревизионистское». Относящиеся к нему историки – Дж. Гэддис, Г. Лундестад, А. Стефансон, Д. Ергин, У. Лот, Дж. Херринг и другие¹⁶ – стремились избежать одностороннего обвинения либо СССР, либо США в срыве сотрудничества и начале холодной войны, рассматривая происходившие события, оценки и решения лидеров государств, в широком историческом аспекте, учитывая многогранный комплекс взаимных отношений и взглядов. «Постревизионистская» школа, многие аргументы которой основаны на более солидной, чем у ее предшественниц историко-аналитической базе, усматривает известную слабость позиций как у представителей «ортодоксального», так и «ревизионистского» направлений. Отмечается, что «ортодоксы» уделяли мало внимания объективным требованиям СССР обеспечения собственной безопасности, тогда как «ревизионисты» не обращали внимания на поведение Москвы в Европе, которое оказывало самое существенное влияние на американскую политику в 1944–1946 гг. В то же время эти историки фактически не имели доступа к советским источникам. «Ортодоксальная» и «ревизионистская» школы не пытались во всей глубине рассмотреть вопрос – было ли начало холодной войны неотвратимо вследствие роста противоречий между двумя различными социально-политическими системами (противоречий, которые обозначились уже по ходу борьбы с общим врагом), либо послевоенной конфронтации возможно было избежать, если бы сигналы,

посылаемые сторонами друг другу, прочитывались бы правильно, и реакция на них была бы адекватной? «Постревизионисты», более беспристрастно рассматривая характер сотрудничества Москвы и Вашингтона в 1941–1945 гг., их геополитические интересы и действия, которые могли привести к росту обоюдного недоверия, поставили перед собой и другую проблему (напрямую связанную с взаимными оценками) – оправданно ли было ожидать от России и США правильного и быстрого понимания интересов друг друга в 1941–1945 гг., если до нападения Гитлера на СССР они имели очень незначительный опыт взаимоотношений? Насколько сильно в этом контексте было влияние традиционных взглядов, развивавшихся задолго до 1941 года, но столкнувшихся с необходимостью принять и объяснить союз в рамках антигитлеровской коалиции?

«Постревизионисты» соглашаются с «ревизионистами», что Соединенные Штаты заняли активную позицию в мировых делах задолго до 1947 г. и показали свою враждебность советским намерениям как минимум еще в 1944 г. Тем не менее, они отказываются говорить об изначальном антисоветизме Вашингтона в делах Восточной Европы. Утвердив в этом регионе западную демократию и свободу торговли, США, в конечном итоге, усилили бы и собственные позиции за счет СССР, но американцы действовали на этом направлении, не представляя в полной мере, как много нужно еще жертвовать ради достижения этих целей. Следствием этого стало признание Вашингтоном подконтрольных Москве правительств в Польше, Румынии и Болгарии. Соглашаясь с «ревизионистами» в том, что прекращение поставок по ленд-лизу стало недружественным шагом со стороны США, «постревизионисты» обращают также внимание на особенности внутреннего законодательства Соединенных Штатов и подчеркивают неоднозначное отношение к СССР со стороны многих конгрессменов. Говоря об участии Москвы в послевоенном устройстве Европы, они не усматривают в действиях Сталина элементы мессианской революционной идеологии, однако замечают экспансионистский характер советского поведения на континенте, который не мог не вызвать ответной и однозначно негативной реакции со стороны Запада.

С конца 1980-х годов, на фоне перемен, происходивших в Советском Союзе, открытия ранее недоступных архивных фондов как в СССР (после 1991 г. – в России), так и в США, интерес историков к проблеме американских оценок Советского государства и его политики в годы Второй мировой войны получил новый мощный импульс. До конца 1990-х годов в Соединенных Штатах и других западных странах вышла масса научных работ, так или иначе затрагивающих тему советско-американских отношений, в том числе столкновение интересов двух стран на европейском пространстве. Были введены в оборот новые источники, посвященные деятельности Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, И. Сталина, видных государственных и военных деятелей Соединенных Штатов и СССР, послов США в Москве, записи бесед различных лиц, ответственных за выработку внешнеполитической концепции Вашингтона. Исследователи приступили к более глубокому рассмотрению (и этот процесс сегодня успешно продолжается) всех проблем сотрудничества СССР и США, достижений и просчетов лидеров обеих стран. В работах У. Кимболла, Дж. Гэддиса, П. Бойля, Р. Эдмондса, Л. Гарднера, Д. Мэйерса, Д. Дилкса, Дж. Эриксона, Дж. Харпера, М. Столера, Дж. Робертса, Р. Даллека и других авторов анализируется целая совокупность факторов, влиявших на советско-американское взаимодействие в годы войны; факторов, которые имели геополитический, военный, экономический и идеологический характер¹⁷.

В то же время историк М. Макколи говорит о том, что в «постревизионистском» направлении появилась сегодня еще одна ветвь, к которой он относит, прежде всего, работы Дж. Гэддиса и, очевидно, свои собственные¹⁸. Исходя из этой последней интерпретации событий, связанных с ростом напряженности в межсоюзнических отношениях и истоками холодного противостояния двух систем, США и Великобритания нуждались в годы войны в сталинской России для разгрома Германии и Японии и соответственно строили на этом свою стратегию.

Действия СССР помогли достаточно быстро добиться необходимой победы при сравнительно незначительных потерях западных союзников. Однако цена за эту стратегию, которую пришлось заплатить Вашингтону и Лондону, состояла в том, что на международной сцене появилось еще более мощное, но менее понятное тоталитарное государство, управляемое из Москвы. Политика США в отношении СССР с весны 1945 г. может быть определена как политика «сдерживания» (термин Дж. Кеннана), направленная на противодействие намерениям СССР переделать мировой порядок таким образом, что он представлял бы для западных интересов такую же угрозу как гегемония Германии и Японии. В ходе войны Рузвельт, Трумэн и их помощники прекрасно осознавали проблему распространения влияния России в Европе. В то же время они безуспешно пытались разрешить дилемму – как, оказывая помощь СССР в разгроме Германии, добиться ее подчинения статьям, изложенным в Атлантической хартии 1941 года.

Говоря об американских оценках России в 1941–1945 гг., М. Макколи, в частности, отмечает, что президент Рузвельт в оценках текущей военно-политической ситуации и роли Америки в будущих международных делах оказался опытным последователем идей Вильсона. Он отстаивал необходимость создания новой организации планетарной безопасности, искореняющей старую систему баланса сил. Благоклонно относясь к требованиям Советского Союза в области обеспечения своих насущных государственных интересов, Рузвельт понимал, что «после разгрома Германии силы Советов могут продвинуться в образовавшийся вакуум и даже достигнуть Атлантического океана». Президент считал, что США и Великобритания не смогут вести новую войну против СССР, полагая, что Советский Союз не представляет непосредственной угрозы для Соединенных Штатов, а мир достаточно велик, чтобы в нем смогли ужиться эти две державы. Рузвельт видел в Сталине союзника и в антиколониальном движении. Одной из своих главных задач он считал привлечение СССР к активной работе в Организации Объединенных наций. Однако он не мог открыто согласиться с требованиями советского лидера в Восточной Европе, поскольку это полностью противоречило бы идеям Вильсона¹⁹. Он оказался в тисках – на международной арене он был готов следовать политике, исходящей из существующих реалий, но у себя дома должен был оставаться четким последователем политики Вильсона. Такое поведение было необходимо, в частности, для миллионов граждан США польского происхождения²⁰.

Рузвельт умер, так и не доведя до конца дело объяснения американскому общественному мнению необходимость уступок Советскому Союзу в Восточной Европе. М. Макколи, вслед за Дж. Гэддисом, замечает в этой связи, что на Сталина следует возложить большую ответственность за начало холодной войны, поскольку в тот период, когда в Белом доме появился новый президент, «именно в силах советского лидера было наладить нормальные рабочие отношения с Соединенными Штатами». Историк добавляет, что ни Сталин, ни Трумэн не хотели начала такого противостояния, но возможно в 1945 году они оба уверовали в то, что именно их системы, в конце концов, окажутся в роли лидеров будущего мира. Плюс к этому на Сталина большое давление оказывала необходимость поддержания своего контроля во внутрисоветских делах, что подразумевало ужесточение отношений с Западом²¹.

В западной историографии не ослабевает интерес к личностям, принимавшим в годы Второй мировой войны важнейшие решения, касающиеся стратегии вооруженной борьбы и характера будущего мирного устройства. Главное внимание приковано, конечно, к Рузвельту, Сталину и Черчиллю. В своем труде «Франклин Д. Рузвельт и американская внешняя политика, 1932–1945: С новым послесловием»²², основанном на большом количестве источников, Р. Даллек попытался доказать, что большинство историков не смогли полностью вникнуть в сущность внешней политики Рузвельта. Исследователи фокусировали внимание на ее недостатках, тогда как оставляли в стороне те сдерживающие факторы, с которыми приходи-

лось иметь дело президенту. Имеется в виду, что Рузвельту всегда приходилось поддерживать баланс и находить компромисс между общественным мнением и направленностью внешней политики. Говоря о механизме принятия им решений в международных делах, Даллек приводит пример, что в предвоенные годы Рузвельт не имел возможности убедить своих граждан в необходимости начать подготовку к войне и оказать помощь потенциальным союзникам. Вместо этого президент вынужден был позволить событиям говорить самим за себя, меняя отношение американцев к происходящему в Европе и Азии.

В другой своей работе «Потерянный мир»: лидерство во времена ужаса и надежды, 1945–1953» Р. Даллек поставил перед собой задачу не обвинять тех или иных лидеров в скатывании к холодной войне, а «подчеркнуть их просчеты и необдуманные действия, которые вызвали продолжительные распри и страдания». На основе же изучения прошлых ошибок предложить затем «альтернативы, которые могли бы быть применены для более широкой международной гармонии»²³. Тем не менее, автор явно ангажировано относится к действиям Советского Союза и обвиняет прежде всего Сталина в начале послевоенной конфронтации: «отказываясь от предположений, что более сговорчивые действия по отношению к Западу могут привести к долгосрочным хорошим отношениям, Сталин помог погрузить мир в новый виток напряженности и конфликтов, которые грозили миру даже большими разрушениями, чем перенесенные во Второй мировой войне»²⁴. Основную вину советского лидера Р. Даллек видит в желании ввергнуть планету в привычную систему противостояния. И если Рузвельт желал видеть будущий мир единым, а сферы влияния считал неизбежным злом, «реальностью, которую пока нет надежды отменить», то Сталин, «независимо даже от ошибок своих западных партнеров, разжигавших его недоверие, был именно тем человеком, кто уверовал, что в послевоенный мир – это продолжение традиционного соперничества между великими державами, то есть то, что стали называть холодной войной»²⁵.

В трудах У. Кимболла, посвященных Рузвельту, Черчиллю и их отношениям со Сталиным, четко прослеживается тенденция заглянуть в глубинные мотивы принятия лидерами Большой тройки важнейших внешнеполитических решений. В работе «Жонглер: Франклин Рузвельт как государственный деятель военного времени»²⁶ историк исследует проблему видения президентом структуры послевоенного мира, разбирая в подробностях характер тех задач, которые он ставил во время Второй мировой войны, суть его далеко идущих политических целей. Исследователь также считает, что в свете происходящих в мире изменений внешнеполитические суждения президента, которые считались мало практичными в годы холодной войны, могут теперь оказаться востребованными. В труде «Сплоченные в войне: Рузвельт, Черчилль и Вторая мировая война» У. Кимболл разбирает непростые отношения между руководителями двух государств, имевших много противоречий, но объединенных общей целью борьбы против агрессоров. Он справедливо критикует Черчилля, который своей оппозицией быстрее всего вторжения в Европу через Ла-Манш, создал много трудностей во взаимоотношениях со Сталиным не только для себя, но и для Рузвельта. Черчилль поддерживал инициативы президента по созданию ООН, послевоенному сотрудничеству великих держав, но ни в коем случае не желал осуществления всего этого за счет ослабления Британской империи и удара по ее интересам на европейском континенте. В то же время Рузвельт понимал, что Москва не потерпит никакого солидного британского присутствия в Восточной Европе. Кимболл замечает, что еще до Ялтинской конференции 1945 года Черчилль с тревогой заключил, что президент США действительно верит, что может вести дела со Сталиным и доверять ему и поэтому согласится на уступки в Польше, Чехословакии и других странах. Не в последнюю очередь в связи с этим, во время переговоров в Москве со Сталиным в октябре 1944 г. и дискуссий вокруг т. н. «процентного соглашения» по Балканам «Черчилль стоял твердо относительно Греции, поскольку считал, что статус Британии как великой державы должен быть подвергнут испытанию»²⁷. Можно

согласиться с присутствием в поведении Черчилля сильных имперских устремлений, которых Кимболл не находит в действиях Рузвельта, желавшего, по мнению историка, на протяжении всей войны, прежде всего, сохранения Большого союза. Однако нельзя не отметить, что и для Великобритании, и для США Греция, равно как и Турция, стали вскоре важнейшими опорными пунктами и зонами военно-политического присутствия в непосредственной близости от советских границ и путей выхода ВМФ СССР из Черного в Средиземное море.

Открытие в 1990-х годах новых документов стимулировало в западной историографии продолжение исследований, посвященных причинам послевоенного раздела Европы и началу холодной войны. О том, какую роль в ее эскалации сыграли противоречия между великими державами по судьбе Германии, говорится в работе Марка Трахтенберга «Построенный мир: процесс европейского урегулирования, 1945–1963»²⁸. Автор разбирает отношение лидеров СССР и США к проблеме сфер влияния, говоря о том, что и Америка, и Россия по окончании боевых действий желали сохранения статус-кво в Европе. Но одновременно задается вопросом, что тогда привело их к конфликту, который едва не вылился в ядерный холокост? Ответ, по мнению Трахтенберга, нужно искать в противоречиях по германскому вопросу, он составляет сердцевину начала холодной войны. Только шаги к разрешению этого вопроса в последующее время смогли поддержать относительно стабильный мир.

Солидные исследования по причинам послевоенного раздела Европы, взаимоотношениям великих держав в период нарастания между ними противоречий в конце Второй мировой войны и в последующие годы проводят американские ученые П. Кеннеди и У.И. Хичкок. В работе под их редакцией «От войны к миру: Измененный стратегический ландшафт в XX веке»²⁹ собраны 11 статей ведущих западных историков международных отношений, в которых разбирается позиция прежде всего США, Великобритании, Франции, Германии по вопросам безопасности, образования на континенте после Первой и Второй мировых войн блоковых систем. К сожалению, роли СССР (России) в происходивших событиях уделяется не столь значительное место. В труде У.И. Хичкока «Борьба за Европу: Бурная история разделенного континента с 1945 г. по настоящее время»³⁰ говорится, в том числе, о влиянии Второй мировой войны на политику лидеров западных стран и СССР, действиям Москвы и Вашингтона по разрешению европейских проблем. Среди прочего историк подчеркивает моменты сопротивления европейцев жестким указаниям со стороны великих держав.

Значению применения США атомной бомбы, ядерному фактору и его влиянию на начало холодной войны посвящено немало исследовательских работ. Хотелось бы выделить в этой связи интересную книгу Р. Лифтона и Г. Митчелла «Хиросима и Америка: пятьдесят лет отрицания»³¹, многие тезисы которой идут вразрез с представлениями о вынужденности тотального уничтожения американским ядерным оружием японских городов ради достижения быстрой победы. Историки, используя многие материалы, ставшие доступными лишь недавно, подвергают критическому анализу действия правительства США по манипулированию общественным мнением сразу после взрывов в Хиросиме и Нагасаки. Они разбирают в этой связи доклады о радиационном заражении, запреты на распространение сведений о разрушениях на земле, обескураживающие дискуссии по поводу альтернатив атомной бомбардировке, ее «военной необходимости», полагая, что атомный удар только частично обосновывался военными факторами. Анализируются действия по засекречиванию в США ученых и всех их документов для того, чтобы предотвратить дискуссии и публикации по ядерной проблеме, исходящие не от военных. Добавляя новые штрихи к портретам политиков и военных того переломного момента истории, авторы пытаются проследить за их мотивами действий, отмечая, что последние не всегда были чистыми и искренними, как это принято думать. Историки рассуждают также о роли Трумэна в вопросе о применении атомной бомбы, склоняясь к мысли,

что новый президент был скорее человеком, давшим согласие на этот шаг, чем лицом, настаивавшим на таком решении.

К сожалению, не во всех книгах, вышедших в западных странах в 1990-е годы и основанных на новом архивном материале, воссоздается беспристрастная картина событий, связанных с отношениями СССР и США в годы Второй мировой войны и в период начала холодного противостояния. Крах Советского Союза, распад социалистического блока породили у некоторых историков тенденцию отождествлять все эти события с проявившейся сразу после окончания боевых действий враждебностью политики Москвы по отношению к Вашингтону и Лондону, изначальной ущербностью советского внешнеполитического курса на европейском пространстве. В работе Дж. Л. Гэддиса «Мы теперь знаем: Переосмысление холодной войны»³² с привлечением множества разнообразных источников исследуются события, покрывающие в основном ранний период противостояния сверхдержав на мировой арене. Гэддис говорит о том, что в конце войны Сталин верил в возникновение следующего конфликта между конкурирующими капиталистическими странами, полагал, что рабочие во всем мире будут едины, и что Советскому Союзу нужно только дождаться, когда капиталисты уничтожат сами себя. Советский лидер не сумел осознать, что его агрессивное продвижение в Центральную Европу объединит капиталистические нации против него самого. Автор считает, что если кто и может быть обвинен в начале холодной войны, то это именно Сталин. Тому причиной характер его личности и стиль правления. Несмотря на то, что свои империи после 1945 года были основаны как СССР, так и США, в первом случае это была империя по принуждению, вторая по согласию. То есть Гэддис уверен, что западноевропейские страны активно искали поддержки у США, тогда как в Восточной Европе СССР вынужден был подавлять неизбежное сопротивление советизации. Говоря о ядерном оружии, автор не оставляет без внимания его деструктивное влияние на климат международных отношений, однако, подчеркивает, что оно делало неразумным прямой вооруженный конфликт между США и СССР, даже тогда, когда Америка имела подавляющее превосходство в этом виде оружия над Советским Союзом³³.

В книге Гэддиса можно найти немало важных заключений. Но весьма спорными представляется утверждение об агрессивном характере советского продвижения в Центральную Европу, разоренную войной и получившую свободу именно из рук Красной армии. Именно она внесла решающий вклад в победу над Германией с ее человеконенавистнической идеологией и практикой. Если говорить об противоположности «империй» СССР и США, не следует забывать об экономическом состоянии этих стран в конце войны, возможностях выделять деньги на программы помощи другим нациям, различиях во внутреннем положении самих государств Европы накануне и в годы Второй мировой войны, которое не могло не влиять на характер их режимов и уровень жизни после 1945 г. Монопольное же владение американцами ядерным оружием и дальнейшее форсированное его наращивание даже в условиях испытаний СССР собственной атомной бомбы вылилось в разработку в США целого ряда военных планов удара по Советскому Союзу. Кроме того, отказ Рузвельта официально информировать Москву о ядерных достижениях США не мог не восприниматься Сталиным как явное недоверие, граничащее с возможностью будущего силового давления. Этот момент в причинах свертывания сотрудничества двух стран, взаимных оценок друг друга, причин нарастания конфронтации требует дальнейшей тщательной разработки.

Следуя в русле «постревизионистской» школы изучения холодной войны и стремясь глубже рассмотреть глубинные предпосылки послевоенной конфронтации между великими державами, Дж. Гэддис не останавливается на достигнутых выводах и даже пытается внести в них определенные коррективы. В своей очередной книге «Холодная война. Новая история»³⁴ он не акцентирует внимание на виновности Сталина в начале противоборства западного и восточного блоков, а объясняет происхождение холодной войны столкновением двух принци-

пиально различных представлений о будущем развитии мира и двух теорий организации общества. Хотя его предпочтения очевидны: Запад для него – олицетворение демократии, а Восток – диктатуры и командно-административных методов. Видимо, это не последняя работа известного американского историка, относящаяся к причинам военного сотрудничества и последующего столкновения интересов СССР и США.

В уже упомянутом выше предисловии к изданию в 2005 г. полной корреспонденции между Рузвельтом и советским лидером за военный период «Мой дорогой мистер Сталин» А. Шлезингер (мл.) попытался глубже разобраться в причинах установления тесных контактов между двумя руководителями, их подходах к послевоенному устройству мира. Он, в частности, замечает, что Рузвельт не питал иллюзий относительно Советской России и не был наивен в ведении дел со Сталиным. И Сталин также не особо доверял президенту. Однако Рузвельт видел в советском лидере того человека, с которым можно работать, несмотря на различия в идеологиях двух стран, руководителя, способного отойти от жестких доктрин. «Решимость Рузвельта искать расположения у Сталина, работать от начала до конца и вместе с ним, – пишет историк, – основывалась на рефлексх проницательности и хитрости искушенного мастера политики. В изменении образа мысли Сталина был единственный шанс для Запада сохранить мир», – заключает он³⁵. Стоит добавить, что в последнем утверждении Шлезингера возможно было проставить более объективные акценты. Поскольку не все зависело только от Сталина, и измененный образ мысли западных политиков также давал шанс СССР, сохранив свою безопасность, участвовать в обеспечении международной стабильности в послевоенное время. Историк обращает внимание на то, что после войны «в условиях разгрома агрессоров, истощения потенциала европейских стран, развала колониальных империй в мире оставались только два государства – США и СССР – которые обладали динамизмом, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся после расстройства прежнего международного порядка. Эти два государства были построены на противоположных и антагонистических принципах, удивительным образом воплощенных в Ф. Рузвельте и И. Сталине. Ни для кого не сюрприз, что произошло в дальнейшем. Напротив, настоящим сюрпризом стало бы отсутствие холодной войны». Говоря о том, что рузвельтовское желание продолжить альянс с Москвой и в послевоенное время наткнулось на тяжелую скалу сталинской идеологии, Шлезингер забывает упомянуть объективный факт распространения коммунистических и левых настроений в Европе под влиянием побед Красной армии, с которыми не могли не считаться западные лидеры³⁶.

Из новых работ западных историков, посвятивших свои исследования непосредственно Ф. Рузвельту, его ближайшим помощникам, а также работе американской дипломатии на советском направлении, следует отметить книги К. Блэка и Д. Данна³⁷. Они очень информативны и помогают глубже разобраться в динамике американской внешней политики и оценок возможностей России в 1939–1945 гг. Отношениям между союзниками по Большой тройке, в том числе СССР и США в 1939–1945 гг., дискуссиям между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем относительно послевоенных границ и будущего устройства Европы, истокам начала холодной войны посвящены коллективные труды под редакцией Д. Рейнольдса «Истоки холодной войны в Европе: Международные перспективы» и под редакцией А. Варсори и Е. Каландри «Неудача мира в Европе, 1943–1948»³⁸. В труде под редакцией Д. Рейнольдса выделяется глава «Большая двойка», первую часть которой, «Соединенные Штаты» (с. 23–52), была подготовлена А. Стефансоном, а вторая «Советский Союз» (с. 53–76) – В. Зубоком и К. Плешаковым. Андерс Стефансон, проводя глубокий анализ западной историографии, посвященной причинам холодной войны, равно как и историк Макколи, пытается глубже разобраться в том влиянии, какие идеи Вильсона оказали на американскую внешнюю политику в годы Второй мировой войны. Владислав Зубок и Константин Плешаков основной упор делают на разборе влияния архивных

источников, воспоминаний и устных свидетельств о деталях и характере внешней политики Советского Союза 1941–1953 гг., ставших доступными историкам лишь в последнее время.

В работе «Неудача мира в Европе, 1943–1948» весьма интересна глава, написанная К. Швабе «Соединенные Штаты и Европа от Рузвельта до Трумэна», – хотя многие положения автора и вызывают неоднозначную реакцию. К. Швабе одной из главных своих задач посчитал ответ на вопрос, насколько Трумэн явился преемником внешнеполитического курса Рузвельта, прежде всего в отношении России. Он прослеживает сложную динамику размышлений и оценок Рузвельта, касавшихся обеспечения послевоенной безопасности, функций «четырех полицейских», участия США и России в мирном устройстве Европы, и приходит к выводу, что Трумэн во многом следовал в фарватере внешней политики и «универсалистских» идей будущего мироустройства, обозначенных его предшественником. Неудача же послевоенного сотрудничества Соединенных Штатов и Советского Союза произошла как раз вопреки «универсалистским» идеям Рузвельта. Трумэн также стремился, чтобы Европа осталась политически единой и двигалась по пути демократического развития. Но новый президент был вынужден учитывать позицию ведущих специалистов по советским вопросам, государственных деятелей, военных и дипломатов, считавших курс Москвы в европейских делах негибким, антидемократическим и потенциально угрожающим свободам западного мира. Не видя готовности Сталина достигнуть конструктивного взаимодействия по многим «назревшим» и «перезревшим» проблемам, Белый дом встал на путь требования от СССР четкого соблюдения духа и буквы предыдущих договоренностей³⁹.

В русском издании своей монографии «Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942–1945 гг.» итальянский историк А. Дж. Робертис подчеркивает важность изучения исторических примеров взаимодействия США и СССР в годы войны, которые так или иначе будут влиять на будущую политику Соединенных Штатов, России и Европы. Исследуя основные этапы переговоров между США, Великобританией и СССР, предпринятых в ходе Второй мировой войны, ключевые моменты внешней политики Ф. Рузвельта, А. Дж. Робертис вновь обращается к идее американского президента о «четырех полицейских». По его мнению, обсуждаемый в наши дни тип мирового порядка «вполне соответствует идеям великого президента и его помощников в осуществлении «нового курса», направленного на формирование международной системы, окончательное установление которой должно было произойти в конце переходного послевоенного периода»⁴⁰.

Неоднозначным действиям Белого дома на международной арене в годы Второй мировой войны посвящена и книга Д. Доенека и М. Столера «Дискутируя над внешней политикой Франклина Д. Рузвельта, 1933–1945»⁴¹. Оба автора согласны с тем утверждением, что «если и был президент США, чья политика была противоречивой, то это Ф.Д. Рузвельт... [Она] вызывала и продолжает вызывать напряженные дискуссии». В то же время историки отходят от традиционных, по их мнению, моментов критики президента, к которым они относят обвинения в промедлении в принятии решений, сокрытии своих истинных замыслов, втягивании страны в ненужную войну ради отвлечения общества от домашних проблем, «умиротворении Советского Союза» и т. д. Авторы избегают упрощенного толкования внешней политики Рузвельта, представляя на суд читателя более сбалансированную картину его решений в международных делах. Нелицеприятные заключения остаются. Причем более жестко относится к курсу президента в своей части работы Д. Доенек, обращая внимание на опасные «мелочи» в его поведении. Так, он называет «опасной игрой» убеждение Рузвельта, что он может также хорошо заниматься внешней политикой, как это получалось во внутренней. Особенно это касается взаимодействия со Сталиным. Историк подчеркивает, что президент не любил хозяина Кремля, – он ему не нравился ни как личность, ни как руководитель. Тем не менее, Рузвельт был до нелепости полон оптимизма относительно силы своего очарования и способности воздейство-

вать на партнера по переговорам. Этот оптимизм вел его к выводу, что со Сталиным можно сработаться при новом послевоенном международном порядке, заключает Доенек⁴². В свою очередь, М. Столер, признавая, что президент обладал многими недостатками (включая неискренность и двойную мораль), замечает, что он часто находил самое эффективное из всех возможных решений⁴³. Это утверждение относится и к взаимодействию с СССР в 1941–1945 гг. Можно полагать, что эта новая работа американских историков является еще одним вкладом в развитие «постревизионистского» направления в исследовании отношений СССР – США в годы войны и истоков холодного противостояния в послевоенное время.

В заключение этого краткого анализа западной историографии, посвященной американскому взгляду на Россию в годы Второй мировой войны, реакции Соединенных Штатов на действия СССР в Восточной Европе и, в целом, истокам происхождения холодной войны следует выделить книгу историка разведки США Леонарда Лешука «Оценки советской мощи разведкой Соединенных Штатов, 1921–1946»⁴⁴. Л. Лешук исследует материалы американской военной разведки, донесения послов и военных атташе в Москве, представителей Государственного департамента, находившихся до войны в Риге, касающиеся советского военного потенциала накануне и в ходе отражения нацистской агрессии. Он затрагивает также важнейший вопрос – какое реальное влияние эти донесения, меморандумы и справки, хранящиеся по большей части в специальном отделе Национального архива США (National Archive Research Administration – NARA), оказывали на высшее политическое и военное руководство Америки.

Значительный вклад в изучение внешней политики США 1941–1945 гг. и непосредственно американского курса в диалоге с СССР, альтернатив, имевшихся у Вашингтона и Москвы, в вопросах своего взаимодействия, наставших между двумя странами противоречий по проблемам послевоенного устройства Европы и в целом мира, внесли российские исследователи. Особо хотелось бы выделить написанные на богатом архивном материале работы В.Г. Трухановского, Г.Н. Севостьянова, А.О. Чубарьяна, В.Л. Малькова, В.О. Печатнова, О.А. Ржевского, Н.Н. Яковлева, Р.Ф. Иванова, Д.Г. Наджафова, М.М. Наринского, В.В. Соколова, П.В. Стегния⁴⁵. Достижением отечественной историографии можно считать том сборника документов «Советско-американские отношения» за 1941–1945 гг. под редакцией академика Г.Н. Севостьянова. По сравнению с ранее выходившими документальными публикациями и перепиской лидеров двух стран военного времени, настоящий том существенно дополнен архивными материалами, причем многие источники носят уникальный характер⁴⁶. Глубже разобраться в причинах нарастания противоречий между СССР и США и начала холодной войны помогает уже следующий подготовленный Г.Н. Севостьяновым документальный том о советско-американских отношениях, покрывающий период 1945–1948 гг.⁴⁷

Большое значение для изучения уникальной переписки Сталина, Рузвельта и Черчилля в годы войны стало ее новое переиздание (в качестве документального исследования), подготовленное в 2015 году В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым⁴⁸. Заслугой авторов стало то, что они сопровождают переписку «историческим фоном» и содержательными комментариями. В издании представлена информация из 5000 засекреченных прежде документов из Архива внешней политики, Архива Президента Российской Федерации, а также архивов Великобритании и США. Эти материалы помогают нам лучше осознать подоплеку общения лидеров «большой тройки», ее сложный политический и психологический подтекст. Читатели узнают, как создавались и как воспринимались эти послания их адресатами, какое место они занимали в широком контексте союзной дипломатии военных лет.

Многие десятилетия работает над проблемами американско-советских отношений и внешней политики США в целом профессор В.Л. Мальков. Неординарный взгляд на внешнеполитическую концепцию США первой половины XX в., широкое использование неизвестных ранее документов американских архивов, в том числе записей разговоров Рузвельта с его дове-

ренными лицами, яркий стиль изложения материала являются отличительными чертами монографий В.Л. Малькова «Путь к имперству: Америка в первой половине XX века» и «Великий Рузвельт. “Лис в львиной шкуре”»⁴⁹. Неизменно большим вниманием пользуются работы профессора МГИМО (У) В.О. Печатнова. Они знакомят читателей не только с закулисной стороной сотрудничества между СССР и США в годы второй мировой войны, но подоплекой многих важнейших союзнических договоренностей, в которых так или иначе были представлены интересы Москвы и Вашингтона. Тайные механизмы принятия Белым домом своих решений в 1941–1945 гг. становятся более понятны после введения В.О. Печатновым неизвестных ранее документов, относящихся к деятельности московского посольства А. Гарримана⁵⁰. Книга историка «Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг.»⁵¹ также напрямую касается советско-американского сотрудничества времен войны, причинам его последующего превращения в свою противоположность – холодную войну. Ее ценность состоит прежде всего в том, что автор переосмысливает узловые моменты и малоизвестные эпизоды союзных отношений двух держав, показывает противоречия между Сталиным и Рузвельтом (позднее Трумэном) на фоне работы дипломатии, разведки, военного и политического планирования, пропаганды сторон. Исследование проводилось на базе новых документов из архивов руководителей СССР и США, многие из которых представлены читателю впервые. Книга профессора О.А. Ржешевского, посвященная взаимоотношениям Сталина и Черчилля⁵², содержит около 200 записей бесед, дискуссий и сопутствующих материалов, раскрывающих драматическую картину поисков союзниками согласованных решений, позицию Рузвельта по вопросам советско-американских отношений, записи его переговоров с В. Молотовым в 1942 г.

Пользуются большим вниманием и неоднократно переиздаются книги по истории международных отношений 1939–1945 гг. Н.Н. Яковлева. Многие выводы, которые он приводит в работе «США и Англия во Второй мировой войне»⁵³, продолжают волновать исследователей и в настоящее время. Речь идет об отношении западных союзников, прежде всего США, к росту военной мощи СССР после Сталинграда, причинах и значении поддержки ими эмигрантских правительств европейских стран, ситуации в связи с возможным возрождением к 1945 году т. н. «санитарного кордона» на границах Советского Союза. Н.Н. Яковлев анализирует факты серьезного опасения правящих кругов Вашингтона и Лондона по поводу распространения среди народов Европы левых настроений, останавливается на роли атомного оружия и его применения в конце войны в процессе ухудшения отношений между союзниками. В книге «Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение»⁵⁴ Н.Н. Яковлев рассказывает о жизни и деятельности американского президента, чья личность, по его мнению, во многом противоречива. Автор излагает суть споров о роли Рузвельта в войне и в послевоенном устройстве мира, воссоздает его живой и яркий политический портрет. В работе «3 сентября 1945» исследуются причины, обстоятельства и последствия американо-японского противоборства в годы войны, но, одновременно, приводятся примечательные оценки Вашингтоном мощи Красной армии, вероятности вступления СССР в войну против Японии. Интересно замечание историка, что во второй половине 1941 года «в правительственных ведомствах США не могли взять в толк, что в Токио куда более трезво оценивали мощь Советского Союза, чем многие политики США. Не вообще, а на основании скрупулезного анализа динамики вооруженной борьбы на советско-германском фронте»⁵⁵.

Сложнейшему германскому вопросу, его генезису и развитию в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, дискуссиям представителей великих держав о будущем Германии посвящены работы доктора исторических наук А.М. Филитова. Необходимо выделить его книгу «Германский вопрос: от раскола к объединению»⁵⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.